

ВЛАДИКАВКАЗ. Судьбы... судьбы... судьбы

На сцене Русского академического театра имени Евг. Вахтангова состоялась премьера спектакля по пьесе Жана Ануя «Оркестр».

Вы знаете, что в средневековые молодое вино ценилось гораздо больше старого, пролежавшего долгое время? Возможно, это как-то связано с тем, что вино все-таки имеет дезинфицирующие свойства, а тогда было много эпидемий... Не берусь дать точный ответ, могу лишь предполагать. Но сейчас иные времена, и ценится вино за полноту и глубину вкуса, которые с годами только усиливаются, за тонкость и изысканность ароматов, за «опыт» и возраст, позволяющий говорить о «мудрости» напитка. Пьеса Ануя похожа на коллекционное вино высочайшего качества: она с годами только обрастает оттенками и смыслами, которые все больше и больше соответствуют тому, что мы видим вокруг.

Но это пьеса, а спектакль — отдельное произведение искусства, он не должен копировать оригинал; все его приемы обязаны быть не самоцелью, а необходимостью. Эксперименты нуждаются в художественной обоснованности, иначе они мишура.

Режиссер Александр Федоров сумел добиться главного: он сохранил некое аристократическое отношение к происходящему на сцене. Я впервые увидела, что пьеса Ануя очень русская по своей сути. В ней представлены в основном женские судьбы, и я постоянно думала о знакомых со школьной поры бедных Лизах; Татьянах Лариных, предпочитавших долг и самоуспокоение; Простаковых и Кабановых, тираншах, душивших вокруг все живое; Сонях Мармеладовых, почти святых, несмотря ни на что... И у Ануя в федоровском решении — то же самое.



Пианист — С. Кибилев

Судьбы, судьбы, судьбы... Женские, страшные, жуткие. У одной 90-летняя полусумасшедшая мать, требующая ухода; у другой ребенок в приюте; третья не хочет стареть... Все несчастны! Каждая героиня спектакля — замкнутый на себе мир, ощущающий близость конца света.

Но есть и общее в их жизни: недовольство мужчинами, без которых, похоже, их гармония состояться не может в принципе. Почему? Потому что сознание выполненного долга и даже почти святости не способно принести женщине удовлетворение: она предназначена

для реализации в другом. И незнание этого простого факта — главная женская ошибка.

Спектакль труден для актеров не только психологически, но и чисто физически: приходится постоянно активно двигаться, танцевать, соблюдая заданный ритм. В тренажерные залы участникам постановки можно больше не ходить: хорошие фигуры обеспечены усилиями **Майрбека Матаева**, хореографа, балетмейстера, пластиографа с таким количеством регалий, что их перечисление невозможно в журнальной рецензии.

На сцене постоянно все двигалось, шевелилось и перемещалось, хотя пьеса, по большому счету, достаточно статична, даже скучновата в этом смысле.

Непревзойденным по качеству не могу не назвать музыкальное сопровождение. Вкус — отменный, утонченный. Отдельный поклон тем, кто подбирал музыку. В программке обозначен **Алексей Деминов**. Но думаю, что и режиссер, и пластиограф приложили к этому руку.

Художник-постановщик спектакля — **Алина Алимова**. Все крайне лаконично, но работает на двести процентов.

Актриса, которой досталась роль Патриции (**Зоя Бестаева**) смогла на сцене показать, как любовь прямо на глазах у зрителей превращается в ненависть, а потом совершает обратный путь. И так это было больно! А жест, когда дочь будто хочет накормить свою умирающую мать грудью, просто ошеломил.

Героиня по имени Памела (**Эльмира Бестаева**) тоже существует на грани нервного срыва.

Есть в спектакле органично схваченные моменты, которые порой даже удивляют: например, только женщины, как известно по исследованиям психологов, могут говорить все одновременно и слышать при этом собеседников, и это на сцене представлено. Особенно хорошо такое разговорное месиво получилось у **Ангелины Ишковой** и **Марины Вьючной**. Разговоры ни о чем.



Памела — Э. Бестаева, Патриция — З. Бестаева

Лишь бы говорить, чтобы не слышать той беды, которая съедает изнутри.

Наталья Серегина сыграла женщину в стиле «танго». Она не побоялась быть на сцене нагловатой, смешной, жалкой... И так все ярко, отточено, дерзко. И видно, что за всей ее нарочитой сексуальностью стоит трагическая, такая бабья, простая и обыкновенная недолюбленность, недоласканность...

Что касается единственного мужчины, то это типичный герой Достоевского. А в исполнении **Стаса Кибилова** эта литературная составляющая персо-



Сцена из спектакля

нажа удваивается, если не утраивается. Пианист получился очень сложным. То какой-то почти огненный темперамент, то жутковатая неестественная улыбочка, то реально клоунские в самом что ни на есть философском смысле этого слова проявления.

Большую часть спектакля пианист проводит, вжав голову в плечи, скукожившись, и даже его растрепанный чуб выглядит каким-то униженным. Зато после «Кубинской неги» он Нерон, Тиберий, Наполеон, перед которым женщины «сами собой в штабеля укладываются», их можно даже казнить, если захочется... Причем, всех подряд, без разбора!

Латиноамериканский танец для героя в исполнении Стаса Кибилова — дионисийское явление, попытка вернуть миру все свое недовольство им: пусть мир тоже получит по заслугам.

Психологически и телесно этот тип мужчин, вполне распространенный в наше время, показан артистом безупречно.

Анастасия АLEXИНА играет истеричную особу, что сложно воплощать на сцене, не плюсуя. А ее Сюзанна оказалась такой подлинной. То женский шантаж, доходящий до предложения мужчине умереть вместе, то трагизм, то неожиданно показанное на сцене посмертное счастье. В финале она красивая, раскованная, абсолютно свободная, но уже не на этом, а на том свете, после выстрела в висок. Неужели так все и есть? Неужели только после «танца изъятых из груди сердец» мы сможем освободиться?

В жизни мы не способны оторваться от привязанностей, даже тягучих и утомительных; от любви, часто приносящей только несчастья. И вспоминаются невольно строки Евгения Евтушенко: «О, кто-нибудь, приди, нарушь чужих людей соединенность и разобщенность близких душ!» Неужели это случится только после ухода? Только там, где сердца нам уже не понадобятся?

Мы часто чувствуем себя заброшенными, оставленными Богом. И почему-то считается, что помочь может плоское и бессмысленное веселье. Но не поможет, а только отвлечет на время. Спасет же только понимание, что кому-то тоже больно, как тебе, по тому же поводу, что и тебе. И такое понимание может дать театр. Знать, что другие могут испытывать то, что испытываешь ты, что у других болит там, где болит у тебя, — это и есть свет и воля Бога в нашей повседневной рутине.

Что-то подобное было всегда... Это ужас, и это утешение одновременно...

Людмила БЕЛОУС